

фантастическая
история

Книги Ивана Оченкова
в серии «Фантастическая История»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА ИОАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО
ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ МЕКЛЕНБУРГА
КОНЕЦ СМУТЫ

МОСКВА, 2018

фантастическая
история

Иван Оченков
Конец Стүты

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-95

Серия основана в 2010 году
Выпуск 124

Оченков И. В.

О-95 Конец Смуты: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 443 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2537-2

Волей судьбы наш современник оказывается в начале семнадцатого века в теле самого настоящего принца. Удачно получилось? Вроде бы да. Он великий герцог Мекленбурга, известный военачальник, женат на принцессе, а шведский король его лучший друг. Но где-то совсем близко разоренная Смутой Россия — спесивые бояре, алчные разбойники, рышущие по дорогам в поисках добычи, воровские казаки, поддерживающие то одного, то другого самозванца. И выбора нет. Теперь он царь вся Руси Иван Федорович, вот только удастся ли ему объединить страну, ведь каждый раз, когда он встает лицом к лицу с врагами, находится желающий воткнуть нож в спину.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Оченков И. В., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2537-2

Зимний день короток, а путь впереди далекий. Потому встать надо затемно, усердно помолиться, чтобы Господь не оставил в дороге своим заступничеством, и отправляться в путь. Подниматься Федыке не хотелось, потому как пришел он поздно, но в дядином доме — это не у родной матушки, и пожалеть его никто не собирался. Так что все, что он успел, это перекрестить лоб и, схватив краюху хлеба со стола, по-быстрому одеться и запрыгнуть на сани. Дядя Ефим посмотрел строго, но ругаться на сей раз не стал, а накрыл Федыку полой тулупа и крикнул: «С богом!» Маленький обоз тронулся. Дядина жена привычно завыла, провожая хозяина. Федыка знал, что, едва они скроются за околицей, тетушкины слезы тут же высохнут и она, взявшись за неисчислимы хозяйственные дела, забудет об уехавшем муже до самого вечера.

Федор Панин был сиротой, мать его умерла, едва он родился, а отец еще осенью погиб в ополчении, выгоняя ляхов из Москвы. Об этом ему рассказал дядя Ефим, вернувшись из похода. Строго говоря, никаким дядей он Федыке не был. Просто жили два боярских сына по соседству, иной раз водили хлеб-соль да нередко правили службу вместе. А когда усадьбу Федыкиного отца сожгли лихие люди в Смуту, парня приютили в семье Ефима. Нахлебником тот, впрочем, не был, ибо присматривал дядя не только за Федыкой, но и за поместьем его отца. Впрочем, и сам он сызмальства, неплохо стреляя из лука, был добытчиком. Да чего там, лисий воротник на теткиной шубе не сам собой появился, да и бобровые шапки на дяде Ефиме и самом Федоре не с неба упали.

Сейчас дядька Ефим ехал на службу. На санях помимо его самого, Федыки и боевых холопов лежал припас, а боевые кони шли следом, привязанные к саням чомбурами¹.

¹ Чомбур — ремень, предназначенный для привязывания лошадей. — *Здесь и далее примеч. авт.*

— Оно, конечно, рано тебе в новики, — рассуждал дядя Ефим, — да куда деваться? Отец погиб, того и гляди, поместье кому другому отдадут, а так, глядишь, за тобой останется. Сброю¹ да коня я тебе справил, покажешься полковому боярину не хуже других. Оно, конечно, надо бы тебе еще и троих холопов боевых выставить, да где же их столько взять? Хотя и так ладно будет. Многие дворяне и дети боярские только что не босиком в ополчении были. Ни оружия, ни брони справной, не говоря уж о конях, а ты же все-таки и в кольчуге будешь, и с луком и с саблейю.

Дядя Ефим был кругом прав: пятнадцатилетний Федька был довольно росл и крепок для своего возраста и вполне мог справлять государеву службу. Кроме того, боярский сын привез сироте доспехи и оружие его отца, которые — Федька это хорошо понимал — мог бы и оставить себе. Так что как ни крути, а дядя Ефим был ему благодетелем, потому что без коня и кольчуги не поверстаться. Разве в стрельцы возьмут, что боярским детям уж совсем невместно.

Сани на ухабе ошутимо трянуло, и совсем было заклевавший носом под монотонный говор дяди новик встрепенулся и, захлопав глазами, стал озираться.

— Тут на дороге, бывает, лоси выходят, сам следы не раз видал, — проговорил Федька, вопросительно глядя на Ефима.

— Так натяни тетиву, чтобы наготове быть, — согласился тот и велел холопам: — А ну-ка, придержите коней, ребятки, пусть Федька лук наладит; заминка невелика, а при удаче с мясом будем.

Федька с готовностью откинул полу шубы, вытащил свое излюбленное оружие и, зажав ногами нижнее плечо лука, стал натягивать тетиву.

— Эх, после такого похода нам бы и не в очередь, — продолжал рассуждать Ефим после того как сани снова тронулись, — да оскудела земля после Смуты, а государь собрался Смоленск у ляхов отвоевывать и повелел смотр поместной коннице устроить. Вот и придется опять от хозяйства отрываться и идти с холопами в поход.

Боевых холопов у дяди Ефима было трое, да еще один — Федькиного отца. Двое, Истома и Пахом, уже не раз ходили со

¹ Сброя — здесь: военное снаряжение, доспех.

своим хозяином в походы и ратное дело знали, а вот Семка, молодой паренек чуть старше Федыки, надел военную сбрую в первый раз. Кольчуги на него, впрочем, не нашлось, и снарядили его в плотный тягилай¹ с нашитыми там и сям железными пластинами. В такой же тягилай был одет и Федыкин холоп Лукьян. Он был постарше Семки с Федыкой и участвовал в походе ополчения на Москву вместе с Федыкиным отцом, и именно он вытащил того, едва живого, из свалки, после того как боярского сына срубил какой-то целиком закованный в железную бронь литвинский боярин. Впрочем, это не помогло Федыкиному отцу, и после боя он отдал богу душу, едва успев наказать Ефиму и Лукьяну сберечь единственного сына. Федька, посмотрев на Лукьяна, невольно скосил глаза на собственное снаряжение. В мешке подле него лежала отцовская кольчуга, скованная из плоских колец, закрывавшая все тело и руки до локтей и спускавшаяся до середины бедер. Как объяснял ему дядя Ефим, была бы кольчуга подлиннее, называлась бы байданой, а так — только полубайданой. Там же лежали шлем и наручи, вещи совершенно необходимые в сече. К широкому поясу новика, набранному из железных пластин, была прицеплена тяжелая отцовская сабля в простых ножнах и чекан — здоровенный железный молоток с острым клювом, предназначенный проламывать прочные панцири вражеских ратников. А под руками лежал саадак² с луком и полным стрел колчаном. Лук был предметом гордости Федыки, тяжелый составной, склеенный из слоев рога и дерева. Подарок отца, заметившего, что отпрыск удачлив в охоте и перестрелял всех зайцев в округе. На первых порах отрок не мог даже натянуть тетиву, но, прилежно занимаясь, настолько овладел грозным оружием, что стал бить бобров и лис, без промаха попадая им в голову тупыми, чтобы не портить шкурку, стрелами.

— Коли все ладно будет, — не прекращал свой монолог дядька Ефим, — то так и быть, отдам за тебя Фроську! Ну а чего, ты нам не чужой, а коли выйдет с тебя толк, так чего бы и не породниться?

¹ Самый дешевый доспех из стеганной в несколько слоев ткани, подбитый ватой или пенкой.

² Набор вооружения из лука и стрел; сами стрелы хранились в колчане или туле, а лук в отдельном футляре — налучье.

Надобно сказать, что тема эта была для Ефима больная. Так уж случилось, что жена его исправно рожала ему дочерей, и лишь последний ребенок оказался мальчиком. Впрочем, Мишка — так назвал сына Ефим — был еще очень мал, а четыре дочери подрастали и обещали скоро стать невестами и разорить родителя на приданом. Старшая, Ефросинья, была ровесницей Федыки и, по понятиям родителей, вполне взрослой для замужества, вот только женихов вокруг не наблюдалось. И то сказать, круто Смута прошла по Руси: кто погиб, кого в полон угнали, кто и вовсе неизвестно куда делся.

Так что Федька был вполне подходящим женихом, особенно если отцовское поместье за ним останется. Мысль же, что у сироты может быть на этот счет свое мнение, Ефиму и в голову не пришла. Федор же помалкивал и виду не подавал, что в округлившейся и, чего уж там, похорошевшей Ефросинье видит скорее сестру, а не будущую жену. Хотя, конечно дело, против воли опекуна не попрешь, да только сердцу ведь не прикажешь... Так уж приключилось с новиком, что пришла беда, откуда не ждали. Еще летом, когда в церкви шел молебен о ниспослании одоления над безбожным супостатом, заметил новик, молившийся вместе с семейством Лемешевых — так прозывались его опекуны, — пригожую девицу, стоявшую подле совсем старой уж боярыни, и... пропало сердце молодецкое. Тетка Лукерья, заметив интерес парня, пояснила ему после церкви, что это старая боярыня из рода Вельяминовых, некогда сильного и знатного, а ныне совсем захиревшего. От многочисленных и богатых вотчин осталась у них одна лишь деревенька в семи верстах, в которой она и проживает вместе со своей племянницей, единственной уцелевшей из всей ее многолюдной когда-то родни.

— А девица-то сия, — продолжала тетка, — сказывают, горда вельми и своенравна. Люди говорят, грамоту знает и книги читать любит, а на что оно бабе-то? Хоть за князя выйди, хоть за боярина, хоть за сына боярского, а доля-то у бабы все одно бабья!

— И что же, они совсем одни живут? — спросил, не утерпев, новик.

— Что, Феденька, али приглянулась девица?.. — протянула певучим голосом вредная Фроська, и все сестры дружно засмеялись над сконфузившимся парнем.

— Цыц вы, сороки! — строго прикрикнула на дочек мать и продолжила:— Одни, Федя. Сказывали люди, что у брата боярыни, окольного Ивана Дмитриевича, был кроме Аленушки еще и сын старший, да сгинул где-то.

«Так ее Алена зовут», — сообразил Федька, но вслух ничего говорить не стал, чтобы не нарваться снова на ехидство Ефросиньи. С тех пор настала у парня на душе такая болезнь, от которой и снадобий не хочется. Целыми днями, сказавшись, что ушел на охоту, кружил он вокруг Вельяминовки в надежде увидеть Алену. Дворня скоро заметила Федьку, и за малым делом не спустила на него собак, но он, поняв, что обнаружен, пустился наутек.

Познакомиться ему все же удалось, когда боярышня пошла вместе с деревенскими девками по малину. Как это нередко бывает, хохочущим неизвестно отчего девушкам внезапно почудилось, что в кустах сидит какой-то зверь, и они с визгом кинулись в разные стороны. Единственной, кто сохранила хладнокровие, была Алена, внезапно выхватившая откуда-то небольшой, но ладный пистоль и направившая его на кусты. Федьке, который, собственно, и был этим «зверем», пришлось снять с себя шкуру подстреленного еще по зиме волка и крикнуть девушке:

— Не стреляй, скаженная, подстрелишь еще!

— И подстрелю! — подтвердила Алена. — Ты почто озорешь?

— Пошутить хотел, — вздохнул Федька.

— Дурак! — заявила ему девица.

— Дурак, — обреченно согласился он и тут же добавил: — А меня Федей зовут.

— Знаю, — усмехнулась она ему в ответ.

— Откуда?..

— Да дворовые тебя признали еще давеча, когда ты вокруг терема нашего кружил.

— Понятно.

— Слышь, понятливый, не ходи здесь более! Другой раз разбираться не буду, пальну.

— А ты умеешь?

— Хочешь спытать?

Испытывать, как девушка стреляет, Федька не захотел, но ходить не перестал. Заметив, что живут обедневшие бояре не слишком гладко, стал заносить то подстреленного зайца, то

глухаря. Оставит на крыльце — и деру. Охотник он был удачливый, так что добычи ему хватало. Так продолжалось до конца лета, когда внезапно в Вельяминовку нежданно-негаданно нагрянул вернувшийся с чужбины, где был в плену, брат Алены — Никита Вельяминов. Да как нагрянул! Иные возвращались после плена убогие да калеченые, бывало, что и в рубище с чужого плеча, а он приехал разодетый в богатый кафтан на заморский манер, на хорошем коне да вместе с двумя сотнями ратных, так хорошо снаряженных, что и царю впору, не то что боярину. Сказывали, что, будучи на чужбине, Никита сумел попасть в войско заморского королевича да так ему хорошо служил, что тот наградил его казною без меры и отпустил на родину, наказав биться с ляхами и литвой. В ополчении Вельяминов сразу стал большим человеком: шутка ли — две сотни кованой рати привести! Вскоре после приезда боярича жизнь в Вельяминовке круто переменилась. Вокруг начавшего ветшать терема появился крепкий тын, а сторожили его вместо древних старцев молодые и дюжие холопы. Ходить кругом стало небезопасно, а в Федькиных поминках¹, очевидно, нужды уже не было.

С тех пор видел Федор Алену только в церкви. Боярышня приделась и ходила теперь не в простеньком сарафане, а красивом атласном летнике² и душегрее. На ногах у нее вместо поршней³ были красные сапожки, а на девичьем уборе⁴ блестел скатный жемчуг. Помимо тетушки, сильно сдавшей в последнее время, рядом с ней всегда были мамки и другая прислуга, так что и подойти к такой красоте Федору было немислимо. Только в последний вечер перед отъездом парень, собравшись с духом, попытался пробраться к знакомому терему, чтобы перед разлукой хоть одним глазком взглянуть на лишившую его покоя девицу, но ничего, кроме конфуза, из этого не вышло, потому как сторожа его заметили и подняли тревогу, отчего парню пришлось бежать как зайцу, застигнутому собаками. Именно поэтому новик явился домой поздно, выспался плохо и сейчас, согревшись под шубой, придремывал, слушая вполуха негромкий говор дядьки Ефима.

¹ Подарок (*устар.*).

² Л е т н и к — род платья.

³ П о р ш н и — обувь из сыромятной кожи.

⁴ У б о р — украшения.

Из состояния полудремы Федьку вырвал резкий громкий свист. Открыв глаза, новик недоуменно увидел, как огромная ель, скрипя, падает сверху и неизбежно придавила бы его, но дядька Ефим, мгновенно сообразивший, в чем дело, выпихнул его из саней вместе с саадаком и сам выпрыгнул с другой стороны, на лету выхватывая из ножен саблю. Угодивший в сугроб лицом новик мгновенно проснулся и увидел, как к их маленькому обозу со всех сторон бегут какие-то непонятные мужики с дубьем в руках. Некоторые из них, впрочем, были снаряжены не хуже, чем Федька с Ефимом, и размахивали не ослопами¹, а саблями и рогатинами. Новик поначалу тоже пытался схватиться за саблю, но, как видно, при падении пояс сбился набок и никак не получалось схватить ее за рукоять. А между тем один из татей, увидев запутавшегося в своей сброе новика, кинулся на него, размахивая здоровенным дрыном. Внутри у парня похолодело, но вместе с тем в голове возникла небывалая ясность ума, и Федька, не делая более ни одного лишнего движения, вынул из саадака лук, по счастливой случайности готовый к бою. Вскинув оружие, новик одновременно с этим выхватил из колчана стрелу и, оттянув тетиву до уха, пустил ее в нападавшего и тут же повалился на бок, спасаясь от его дубины. Над головой парня со свистом пронеслось орудие разбойника, недоуменно смотрящего на стрелу, пробившую ему грудь. Постояв еще немного, тать неловко завалился на спину и, выгнув в страшной конвульсии спину, затих. Но окончательно пришедший в себя Федька уже не смотрел на него, а, встав на колени, пускал одну за другой стрелы в разбойников, выбирая бездоспешных.

Впрочем, бой продолжался недолго; дядька Ефим с холопами ожесточенно рубился с татями, когда снова раздался громкий свист — и разбойники резко, как по команде, бросились врассыпную и исчезли в лесу, оставив на снегу своих побитых. Ратники недоуменно оглядывались, ожидая нового подвоха, но ничего не происходило. Наконец Истома, прислушавшись, произнес: «Мнится мне, скачет кто-то». И действительно, скоро всем стал слышен шум скачущих всадников, а затем показались несколько десятков конных ратников, окруживших место побоища. Главным у подскакавших ратников, как ни странно,

¹ О с л о п — дубина (*устар.*).

был одетый в тулуп поверх рясы монах с густой ухоженной бородой и властным взглядом. Встретившись с ним глазами, дядька Ефим вздрогнул и, стянув с головы шапку, поклонился.

— Здрав буди, боярин...

— Иеромонах Мелентий перед тобой, Ефим, — прервал боярского сына монах.

Ефим, внимательно посмотрев на него, покачал головой и, вздохнув, проговорил:

— Благослови, отче.

Мелентий перекрестил Ефима и его ратников и, посмотрев на Федьку, хмыкнул:

— А новик что же в сброе запутался?

— Первый бой, отче, но не растерялся и взялся за лук да пострелял татей немало, — заступился за Федьку дядя.

— Сын?

— Не мой, отче — Семки Панина, — отозвался Ефим и тут же, отвечая на невысказанный вопрос, пояснил: — Тот погиб, когда ополчение с Ходкевичем билось.

— Вот оно как... — вздохнул монах. — Царство небесное православному воину. Ладно, собирайтесь — вместе поедем, а то шиши¹ лесные обнаглели совсем — на ратников нападают.

Ефим с холопами оглядели друг друга: может, поранен кто, а в горячке боя не заметили. Но все, слава богу, обошлось, и можно было продолжать путь. Федька тем временем собрал свои стрелы и, наскоро обшарив тела татей, собрался сесть в сани, но монах остановил его:

— Ну-ка, парень, давай садись на моего коня, а мне с твоим дядькой потолковать надобно.

Новик, не перечая, вскочил в седло настоящего боевого коня, на котором путешествовал святой отец, и увеличившийся отряд тронулся в путь.

Во время привала заинтересовавшийся таинственным монахом Федька стал приставать с расспросами к дядьке Ефиму, но тот, обычно словоохотливый, почему-то отмалчивался, а чтобы новик ему не надоедал — нагрузил того всякой работой. Федькино любопытство от этого только разуделось, и он зашел с другого бока. Рубя лапник вместе с дядиным холопом Истомой, стал одолевать уже его. Старый ратник таиться не стал и рассказал

¹ Ш и ш — разбойник.

новику, что Мелентий в былые времена был ни много ни мало вторым воеводой в полку, где служили Ефим и Федыкин отец. Что потом случилось и отчего воевода оказался в монастыре, он не знал, да и парню посоветовал не выспрашивать. Дескать, много будешь знать — скоро состаришься. Дальнейшее путешествие проходило без приключений. Чем ближе к Москве, тем больше увеличивался их обоз от едущих на смотр боярских детей. Отряд получился большой, и тут уже не только тати, но и сам гетман Ходкевич, случись ему оказаться рядом, десять раз подумал бы, прежде чем напасть. Федька все время оживленно вертел головой, то разглядывая новоприбывших, то желая рассмотреть величественные храмы и богатые боярские хоромы, о коих он был наслышан. Однако, как прибывающие отовсюду ратники мало чем отличались от дядьки Ефима, так и пригороды Москвы не поражали воображение. Деревня она и есть деревня, разве что побольше, чем Панино или Лемешевка. В саму столицу, впрочем, въехать сразу не получилось. Еще на заставе дворянам и детям боярским объявили государеву волю встать на Поганом поле и готовиться к смотру. Именно туда бояре с дьяками из Разрядного приказа приедут смотреть, как помещики к службе государевой изготовились. Еще велено было на скудость и разорение не жаловаться, а показать себя лицом: великий государь-де знает о бедах земли русской и паче меры ни с кого не спросит, а исправно справляющих службу пожалует.

Готовясь ко сну, новик спросил у дядьки Ефима, отчего поле, где они собрались, называют Поганым.

— Немчина тут какого-то собирались казнить, — отвечал ему он, запахиваясь плотнее в шубу, — сказывают, грех он совершил великий, а какой — неведомо. А в ту пору как раз ляхи в кремле сдались, и немчина того на радостях помиловали, так он сам не смог с такой тягостью на душе жить, и удавился. С той поры поле здешнее Поганым и зовут.

— Дядька Ефим, а ты царя видел? — продолжал расспрашивать неугомонный Федька.

— И ты завтра поглядишь: сказывают, как с богомолья вернется, заедет на поместную конницу поглядеть. Спи давай, не слух!

На следующее после прибытия утро затрубили трубы, и дворяне и дети боярские, помолясь Богу и снарядившись, выехали

на смотр. Вот тут Федору было на что посмотреть: многие помещики, еще вчера выглядевшие не лучше любого крестьянина, вытащили из сундуков богатые одежды и блестящие брони, сели на чистокровных аргамаков и красовались пред сотоварищами пышным видом. Другие, напротив, остались в чем были, надев поверх драных зипунов худые тягилiai, оседлали неказистых лошаденок, а то и вовсе стояли пешими, потупив взоры от стыда за свое убожество. Таких, как дядька Ефим и Федька, «средняков» было явное меньшинство. То есть немало было тех, кто беднее, и значительно больше таких, что выглядели куда богаче.

Тут еще раз прогудели трубы, и на поле выехали несколько богато одетых бояр верхом в сопровождении закованных в железо ратников.

— Гляди-ка, — пихнул Федьку кулаком в бок Ефим, — князь Пожарский сам приехал! Сказывали — недужится ему, а вишь ты, не утерпел.

Новик во все глаза уставился на прославленного воеводу, но тот быстро проскакал мимо, окруженный со всех сторон свитой. Тем временем начался смотр, несколько бояр с дьяками, держащими в руках списки помещиков, стали по очереди выкликать проверяемых. Услышав свое имя, помещик выезжал вместе с холопами и предъявлял себя и свое снаряжение боярину, а дьяки записывали, все ли выставил государев ратник, что от него полагалось. Не вызванные еще — обратились в слух, пытаясь по обрывкам долетающих до них фраз определить, строги ли проверяющие бояре и нельзя ли их разжалобить.

— Гляди-ка, Федор, — скрипнул зубами дядька Ефим, — вон красуется сосед наш Телятевский: и сам оборужен справно, и холопов привел вдвое от положенного. А вот в ополчении я его что-то не упомню — всю Смуту дома просидел; и всегда так: как смотр, так он из первых, а как поход или еще что, так вечно или больным скажется, или еще чего удумает! Поклонится, аспид, полковому боярину поминком справным — тут его служба и кончилась. Мнится мне, что, вели ему боярин саблю достать, — так не сможет, ибо приржавела!

После Телятевского выкликнули какого-то убогого боярского сына на худой крестьянской лошадке, бездоспешного и с

рогатиной. Хотя из-за дальнего расстояния слов его не было слышно, сразу стало понятно, что помещик жалуется на скудость и разорение, униженно кланяясь при этом.

— Вот еще чучело! — сплюнул Ефим. — Оно, конечно, всякое бывает, но до такого разора дойти — это еще постараться надо! К тому же помещиков на смотр не всех зараз вызывают, так что можно было хоть у соседей или родни сброю занять, чтобы показать себя. А там, может, война или поход какой — глядишь, и разживешься.

Тут пришел черед дядьки Ефима, и он велел Федьке с Лукьяном не отставать. Подъехав и поклонившись боярину, они стали слушать дьяка, нараспев читающего, что он должен выставить на службу:

— А сыну боярскому Ефиму Лемешеву быть на службе на коне, в кольчуге и при саадаке и сабле, а с ним трем холопам в тягиляях и шапках железных при саадаках и саблях.

— Эва как: да ты, Ефим, паче положенного привел! — одобрительно прогудел боярин.

— Нет, боярин, — почтительно отвечал ему помещик, — я привел сколько мне расписано, однако, сам видишь, вои мои в кольчугах, да и помимо саадаков еще и огненный бой есть. А отрок сей — сын дружка моего Семки Панина, в ополчении живот положившего. Приехал верстаться на службу снаряженный и с холопом...

— Погоди, сын боярский! — перебил дядьку Ефима дьяк. — Семке Панину надлежит быть в железной броне с саадаком и саблей и тремя холопами.

— А новик, по тебе, в чем? — окрысился вдруг на дьяка боярин. — Разве полубайдана не бронь? А что холоп у него только один, так Семка и холопы его погибли, я сам в том деле был и все видел. А отрок, несмотря на скудость, и сам снарядился и холопа привел.

— Нельзя государеву делу проруху допускать, — продолжал упорствовать дьяк, — а ну как поход, а у Панина боевых холопов недостача?

— Это у тебя, чернильная твоя душа, недостача! А мы свои долги кровью платим, — строго глядя на неуступающего дьяка, проговорил боярин.

Неизвестно сколько бы еще они проспорили, но вдруг раздался какой-то шум и по рядам пронеслось: «Государь пожаловал!»! Прямо напротив Федьки остановился небольшой, разукрашенный узорами и письменами возок, в окружении нарядных воинов в белых кафтанах, на белых же скакунах. Несколько бояр наперегонки кинулись к возку и, открыв дверцу, вывели из него под руки какого-то молодого человека в богатой шубе.

— Кланяйся, дурья твоя башка, это царь!.. — почти прошипел на новика дядька Ефим, и вместе со всеми повалился в ноги.

Говорят, некоторым людям снятся хорошие добрые сны. Посмотрев эти сны, они просыпаются в прекрасном настроении и всем улыбаются. У меня иное дело, сны мне снятся всегда со значением, причем значение это не всегда понятно. Помню как-то, матушка-герцогиня привиделась перед встречей, и я смог ее узнать, а то бы конфуз приключился. Последнее время мне снится исключительно Земский собор. Знать бы еще к чему. Может быть, чтобы намекнуть, что все сделал не так? Не знаю. Но, как говорится, делай что должно и будь что будет!

Вообще-то я и так прекрасно помню все, что происходило на том соборе, но сны показывают мне все происходившее как бы со стороны. Вот Вельяминов тащит меня за руку к насмерть перепуганным боярам и митрополиту. Есть, конечно, люди и попроще, но они стараются жаться по краям и не отвечивать. Вот дьяк объявляет собравшимся, что тянуть далее не получится и надо что-то решать. Бояре жмутся друг к другу и стараются сделать вид, что их тут нет. Наконец, Иван Никитич Романов не выдерживает и начинает говорить, постепенно возвышая голос почти до крика:

— Вот что, люди, я вам скажу! Нет более времени думать, а посему предлагаю вам избрать на московский престол королевича Карла-Филипа! А покуда он из Швеции приедет, то пусть местоблюстителем царства побудет его родственник князь Иван Жигимонтович Мекленбургский. Он и воровским казакам нас в обиду не даст, и державу не позволит разорять...

— Правильно! — начинают кричать сторонники шведского принца, и крик их постепенно подхватывают остальные. — Пусть царствует королевич, только сперва пусть православие примет!

— Послушайте меня, — поднимаю я руку, и шум мгновенно смолкает, — к великому моему горю, получил я известие о том, что королевич тяжело заболел! Не ведаю, жив ли он сейчас, ибо от Стокгольма до Москвы путь неблизкий. А потому король шведский извещает вас, что брат его царем вам быть не сможет, о чем мне только что гонец его сообщил. Простите меня, бояре, и ты прости, владыко: не думал я, что так дела сложатся...

Наступившая тишина настолько осязаема, что ее, кажется, можно резать ножом. Вот ко мне подходит с серьезным лицом Вельяминов и начинает что-то говорить...

И тут я просыпаюсь от того, что возок остановился. Открываются двери, и мое царское величество под руки выводят из возка самые знатные из случившихся на поле бояр. После ночного бдения в монастыре спать хочется невозможно, но я стряхиваю с себя оцепенение. Сейчас бы снегом умыться, сразу бы полегчало, но невместно. Еще хочется погнать пинками обступивших меня бояр, но тоже нельзя. Пока нельзя.

— Коня!

— Коня государю! — кричит во все горло Никита Вельяминов, и мне подводят статного аргамака.

Расстегнув богатую соболью шубу, крытую драгоценной парчой, вскакиваю в седло, проигнорировав пытавшихся меня посадить бояр. На коне я чувствую себя куда лучше, чем в наглухо закрытом от внешнего мира возке. То есть в нем, конечно, имеются окошки, но они забраны тканью, сквозь которую ничего толком не видно, а открывать занавески невместно, да и самому не хочется смотреть на мир украдкой. Вместо привычного рейтарского камзола на мне теперь надет нарядный зипун из тонкого сукна, подбитый ради холодного времени мехом. Одежду теперь, хочешь не хочешь, надо носить русскую, но это полбеды. Отвечающие за мое платье постельничие и стряпчие так и норовят одеть своего царя как попугая. Перед поездкой в монастырь мне на полном серьезе предлагали сочетание ярко-желтого зипуна, небесно-голубых портов, красных сапог, и все это — с зеленым шелковым поясом и красной же шапкой.

Причем все это хозяйство максимально украшено золотым шитьем и прочими излишествами. Пришлось сдвинуть брови и, строго глядя на ставшего главой Постельничего приказа Шереметева, напомнить ему, что еду я не куда-то, а на богомолье. Только так удалось настоять на более скромном варианте, выдержанном в темных тонах. Вообще, конечно, лучше Шереметева на это место никого не найти. Сидя вместе с поляками в осажденном кремле, он сделал все, чтобы сохранить царские сокровища, и вполне в этом преуспел. Кроме того, именно он руководил поисками того, что ляхи припрятали перед сдачей, и тоже много чего нашел. К вящему моему сожалению, сохранил он и немалое количество царских носильных вещей, оставшихся от прежних самодержцев, которые перманентно пытается на меня напаять. По-хорошему, вещи царю должны шить новые, и никому другому их носить не полагается, кроме разве что какого-то количества специально сшитых кафтанов и шуб, предназначенных для награждения особо отличившихся. Однако молодой государь скромен и бережлив и сразу повелел копеечку экономить и на пустяки не тратить.

Вскочив на коня, делаю знак своему телохранителю Корнилию, и он цепляет на меня пояс со шпагой. Что делать, без оружия я чувствую себя голым, а на царской парадной одежде даже мест для него не предусмотрено. Разве что пистолет хорошо прятать. Шереметев, правда, пытался выделить мне на такой случай парадную саблю с рукоятью и ножнами, богато украшенными золотом и буквально усыпанными драгоценными камнями, но я заявил что шпага моя есть подарок короля Густава Адольфа, а потому здесь вам не тут. Подарок царствующего монарха — это дело серьезное, и от меня отстали.

— Вставайте, а то, чего доброго, простудитесь, — командую окружающим, застывшим в снегу. — Все ли ладно с ратниками?

— По-всякому государь, — степенно отвечает мне Пожарский, — оскудел нынче народ. Кто пришел снаряженный как положено, а кто и наг и бос.

— Да что-то совсем голых я не вижу.

— А вот князь Телятевский вдвое больше людей конных да оружных привел против положенного ему, — встревает в разговор дьяк Разрядного приказа, — сын же боярский Панин всего одного холопа вместо троих представил.

Первое время меня удивляло, что всеми делами в приказах ведают дьяки, а вовсе не бояре или окольничие, поставленные ими руководить. Как оказалось, бояре в приказах осуществляют судебную власть, то есть решают тяжбы между людьми, находящимися в их ведении. А всю канцелярскую работу ведут дьяки и подчиненные им подьячие. Ведут, кстати, как бог на душу положит. Никаких нормативных актов не существует в принципе, и чиновники ведут дела в меру своего разумения. Писанных законов тоже почти нет, кроме разве что Судебника, принятого шестьдесят лет назад Стоглавым собором. Вообще, система управления государством очень запутанная и неповоротливая, а за время Смуты и пришедшая в совершенный упадок. По-хорошему, надо бы разогнать всех к чертовой матери, но, во-первых, других взять негде, а во-вторых, я сам пока тут на птичьих правах. Выслушав ябеду дьяка, внимательно смотрю на боярина, делавшего осмотр помещикам.

— Дозволь молвить, великий государь, — тут же отзывается тот и, дождавшись кивка, продолжает: — Новик сей первый раз приехал верстаться на службу, а отец его Семка Панин погиб в ополчении вместе со своими холопами.

Уже другими глазами разглядываю боярского сына, уставшегося на меня во все глаза. Судя по лицу, лет ему не более шестнадцати, ибо бороду еще не бреет (хотя их русские пока вообще не бреют), выглядит довольно крепким и жилистым, однако кольчуга на его юношеской фигуре откровенно висит. К седлу его коня прикреплен саadak. Эх, надобно поместную конницу перевооружать огненным боем, но денег у дворян и боярских детей нет, а у меня и подавно.

— Луком владеешь ли, выюноша?

— Владею, государь.

— Ну, покажи, — и указываю на столб, оставшийся напоминанием о печальной судьбе Золтана Енеке.

Парень тут же вынимает из саадака налучье и достает неожиданно очень хороший и дорогой боевой лук. Споро натянув тетиву, вопросительно смотрит на меня и после кивка одну за другой пускает три стрелы, которые вонзаются в столб, практически касаясь друг дружку оперением. Увидев ловкость, показанную новиком, окружающие разражаются радостными криками.

— Изрядно; а на скаку эдак сможешь?

- Смогу, государь.
- Охотник?
- Да.
- Следы, поди, умеешь читать?
- Умею, государь
- Грамотен?
- Да, государь, — с некоторой заминкой отвечает новик.
- Что на моем возке написано?

В глазах парня на секунду замирает отчаяние, но потом он бойко отвечает, что там написан титул моего царского величества.

— Ну ты посмотри, какой способный вьноша! — восклицаю я, и обращаюсь к Корнилию: — Видал, какие самородки по тверским лесам прячутся? Приглядиись хорошенько: может, и сгодится в твою сотню?

— Сгодится, отчего же не сгодиться, — степенно отвечает Корнилий.

Я повелел бывшему лисовчику собрать сколько сможет ловких людей для проведения разведки и выполнения различных щекотливых поручений. Дело это не простое, Михальский хоть и мой телохранитель, и пожалован мною в благородное мекленбургское дворянство, но для русских человек почти безродный, и добром ему под команду никто не пойдет, разве казаки. Но казаки люди себе на уме и нанимаются целыми станицами, да и изменяют точно так же, так что не для всякого дела годятся. А набрать да обучить боевых холопов у Корнилия нет ни времени, ни возможности.

— Решено, отрока сего поверстать на службу в дети боярские, и батюшкино поместье оставить за ним, ради того что положил отец его свой живот за отечество. А пока пусть послужит в сотне Михальского. Бесчестья в том нет никакого, ибо Корнилий Михальский — мой телохранитель. Покажет себя — пожалую в зильцы, а там, глядишь, и в полк Вельяминова попадет.

Стоящий рядом с новиком боярский сын недовольно хмурится, но возражать не смеет, парень же, кланяясь, благодарит. Подхожу ближе и, поманив пальцем к себе, шепчу:

— А написано на моем возке: «Если с нами Бог, то кто же на ны!» За то, что боек, хвалю, а будешь еще царю врать — не помилую! Внял ли? А грамоте чтобы научился!

Оставив покрасневшего как алый мак Панина, подхожу к дьяку и, поддавшись наитию, спрашиваю:

— А что князь Телятевский — только на смотры холопов боевых с излишком приводит или в походы так же? Сколько он людей в ополчение привел?

Сконфузившийся дьяк пытается отговориться неведением, но Пожарский, усмехнувшись, говорит как рубит:

— А не было его в ополчении и вовсе!

— Эва как! Ладно, то дело прошлое, однако запомни, Дмитрий Тимофеевич: коли Телятевский, когда на Смоленск пойдем, в нетях скажется — останется без поместий, а если из войска сбежит, то и без головы. Попомни, мое слово твердое.

После смотра мы верхом мчимся в кремль, распугивая прохожих. Возок не спеша трясется за нами. Я в него садиться отказался наотрез, сказавшись, что помру от голода, если буду ехать в нем.

Поесть русскому царю — не такая простая задача. В основном потому, что одному садиться за стол совершенно невместно. Сесть со своими ближниками, как раньше, тоже нельзя, будет смертельная обида боярству. Боярская дума теперь для меня больше чем семья. С ними я ем, хожу в баню, молюсь. Слава богу, хоть сплю один, хотя думцы, как правило, спят неподалеку, особенно днем. Дневной сон вообще статья особая. Пропустить его никак нельзя, на этом Лжедмитрий I и погорел. Впрочем, он, очевидно, манкировал многочисленными молебнами, в которых должен участвовать православный государь, и потому, стервец этакий, не уставал. Я же часто и густо к послеобеденному времени просто валюсь с ног. Подремать, впрочем, не всегда удается, поскольку времени катастрофически не хватает и я, запершись в царской опочивальне, читаю отчеты, присланные из приказов, делая для себя пометки. Лучше всех из моих приближенных к этим обстоятельствам приспособился Вельяминов. Он стал моим кравчим, и во время обеда следит, чтобы столычники своевременно подавали блюда, и лично обносит всех напитками. Он же подсказывает мне, кого из бояр и каким блюдом следует угостить, чтобы показать благоволение, или, напротив, проигнорировать раздачей, дабы намекнуть на неудовольствие. Для меня это темный лес, и без Никиты я тут

как без рук, так что бывший шведский полоняник метит прыжком в ближние бояре.

Утолив голод, я, натянув на лицо благожелательную улыбку, наблюдаю за жрущими в три горла боярами и тихонько беседую со своим кравчим, потягивая из кубка напиток. Все уверены, что у меня там дорогое фряжское вино, каким я потчую своих бояр, но на самом деле там клюквенный морс. Припомнив, что многие из членов царской семьи страдали от цинги, я велел давать мне этот напиток. Сахар в России еще не изготавливают, так что вкус у моего напитка ужасно кислый. Но я понемногу отхлебываю из кубка, тренируясь держать улыбку, когда улыбаться не хочется совершенно.

— Государь, а что ты давеча о моем полку говорил? — вполголоса спрашивает Вельяминов, видя, что я сыт.

— Что слышал; велю твой regiment¹ развернуть в рейтарский полк из пяти эскадронов по две роты в сто человек в каждом. Командиров для эскадронов и рот сам выберешь, да мне потом доложишь. Наберешь из дворян, жильцов и детей боярских. Учить крепко, проверю...

— Слушаю, государь...

— Не перебивай; у тебя ведь не все из дворян и детей боярских?

— Нет, государь, есть и казаки, и из холопов боевых...

— Вот-вот. Напишешь список да подашь Пожарскому. Я ему говорил, что их испоместить надобно да к детям боярским приписать. Люди они испытанные и верные, таких беречь надо. Прочих же смотри так: у кого если поместья пропали или запустели, решай сам. Кому деньгами, кому новые выделить. Тех же, у кого, паче чаяния, все хорошо, тоже награди деньгами или припасом каким. Главное, чтобы мои люди знали, что я о них забочусь, и к службе ревностно относились. Внял ли?

— Все исполню, государь.

— Еще найдешь Анисима да передашь ему, чтобы также стрельцов набирал. Жалко, роду он худого и нельзя его командиром стрелянного полка сделать. Ну да не беда, чего-нибудь придумаем.

¹ Отряд.

— Да чего тут думать, государь, мало ли у тебя бояр глупых да спесивых. Назначь любого полком этим командовать, а службы они все едино никто не знают, так что Анисим как ведал всем, так и будет.

— Не перемудрить бы... как он там, кстати, поживает?

— Да что тут перемудришь — сам, поди, ведаешь, государь, что Анисим такая хитрая сарынь¹, что любого вокруг пальца обведет, коли надо будет. А живут они, твоей милостью, хорошо. Авдотья раздобрела: видать, забрюхатела. Лавку он поставил да торговлишкой какой-никакой занимается.

— Лавка — дело хорошее, главное, чтобы служба не страдала.

— А что служба? В лавке сидельцы сидят, торгуют. За ними Авдотья приглядывает, так что лавка службе не помеха. Иной раз даже помогает, поскольку за товаром разный народ приходит и разговоры тоже ведет разные. А сидельцы с Дуней слушают да Анисиму, когда что важное узнают, и говорят. Так что от лавки одна сплошная польза и никакой помехи.

— Ты его слова мне повторяешь, что ли? Ладно, а дочери его богоданные как?

— Все слава богу, государь: учатся, как ты велел. Марьюшка скучает по тебе шибко — бывает, плачет.

— Что поделаешь, я тоже скучаю, но, если я ее во дворец возьму, — сам понимаешь, слухи пойдут, что я невесть что тут творю с детьми малыми. Пусть так пока; а что, от Рюмина вестей нет?

— Покуда нет.

Рюмина я отослал с письмами в Стокгольм сразу после избрания меня на царство. В первом письме сообщал своему шурину — королю Густаву Адольфу — что, дескать, так, мол, и так, до того хорошо справился с твоим, разлюбезный брат мой и друг, поручением, что, когда выяснилось, что принц Карл Филип заболел, распропагандированные мною москвиты потащили меня на царский трон вместо него. Уж как я упирался, а ничего не вышло, пришлось царствовать...

Вот будет номер, если королевский брат выздоровел! Однако Бог не выдаст, а свинья не съест. Хочешь не хочешь, а отношения с Густавом Адольфом налаживать надо, поскольку Новгород занят шведскими войсками, и его надо возвратить. Луч-

¹ Почти то же, что и сволочь.

ше миром, потому что воевать на два фронта никак не получится. Оно и на один, может, не слишком хорошо получится, потому как сил для взятия Смоленска маловато. Одна надежда на то, что сейм, как всегда, денег королю Сигизмунду на войну не даст, а сам он без денег посполитого рушения, с одним кварцянским войском, много не навоюет. Второе письмо жене — принцессе Катарине. Плачусь в нем горькими слезами, что не могу приехать к счастью всей моей жизни — дорогой и любимой супруге. Так уж случилось, что дикие московиты, о коварстве которых любезной моему сердцу принцессе рассказывают разные прохиндеи вроде викария Глюка, прониклись таким уважением к шведскому королевскому дому, что не захотели никакого иного государя. Ну а когда кандидатура вашего брата принца Карла Филипа снялась по состоянию здоровья, выбрали его ближайших родственников, то есть меня и ваше прежде королевское высочество, а ныне царское величество. С чем, собственно, и поздравляю. Так что люблю, жду и надеюсь на скорую встречу. Помимо писем с Рюминым отправился целый обоз подарков, в основном меха. Другая часть писем и подарков предназначена родне в Германии. Перво-наперво, разумеется, матушке герцогине Брауншвейг-Вольфенбютельской Кларе Марии. Порадуйтесь, матушка, каких высот достиг ваш непутевый сын — шутка ли, целый царь! Плюс к счастью называться матерью государя диких московитов (во всем равного императору!) вот вам, матушка, соболя, куницы, лисы и белки вдобавок к тем, что ранее присылал. А вы уж, будьте любезны, не обделяйте и дальше меня, многогрешного, заботами своими. То есть и за вотчинами приглядите, и Марту с дочкой не оставьте. Такого же рода письма и подарки — для тетки, герцогини Софии, и кузена-тезки, герцога Иоганна Альбрехта. Последнему, правда, поскромнее. Еще у Рюмина доверенность на получение моей законной ренты для закупки всяких крайне необходимых моему царскому величеству вещей. Список прилагается.

Ну и напоследок подарки и письма к померанской родне. Во-первых, забывать грех, а во-вторых, чтобы они не забывали...

— Дозволь слово молвить, государь! — подал голос Шереметев, оторвав меня от воспоминаний.

— Говори.

— Не вели казнить, великий государь, своего нерадивого холопа, — начал волынку боярин, — а только прошло уж и венчание твое на царствование, и миропомазание, а не приготовили мы тебе платно¹ для парадных выходов. Уже совестно мне и перед боярами и перед митрополитом, а что делать? Повели, государь, начать работу.

— Какое, к богу, платно, боярин? Посмотри вокруг: в великокняжеском дворце запустение, окна многие доселе досками забиты, а по иным горницам ветер гуляет. Крыши текут и починить их некому! У царя крыша течет, ты понимаешь хоть, какой ужас в этом? Вот по глазам вижу, что не понимаешь! Я сейчас каждый грошик, каждую копейку, каждую чешуечку² серебряную на войско откладываю! А ты говоришь — платно! Ты представляешь, сколько будут стоить парча да шитье золотое? Да ты, видать, хочешь по миру меня пустить и царство мое!

— Дозволь и мне слово молвить, великий государь, — поднялся с другого конца Пожарский.

— Говори, князь Дмитрий Михайлович.

— Все мы знаем, государь, что ты скромн и, в отличие от многих иных, склонен не к излишества греховным, а к сугубому воздержанию, и даже паче того — аскезе почти иноческой. И оттого не устаем денно и ночью благословлять Господа нашего, пославшего нам столь благочестивого монарха. Однако мы есть третий Рим, и царю нашему без пышности и благолепия никак нельзя, ибо без того будет умаление царства твоего. Оттого говорю тебе, государь: послушай верных слуг твоих и не противься, когда мы о блеске твоего платья радеем. Нельзя русскому царю без того, а деньги... что же, деньги — дело наживное.

— Понял я тебя, Дмитрий Михайлович, и согласен с каждым твоим словом, но вот какая незадача, князь... Был я, как ты ведаешь, на богомолье, и так меня проповедь отца Авраамия проняла, что дал я обет Господу нашему — не касаться жены, не пить вина и не носить парчи, затканной золотом, покуда не отобьем у безбожных латинян Смоленск. Так что с платном походить придется.

¹ Царская одежда для торжественных выходов, сплошь покрытая золотым шитьем, отчего очень тяжелая. Собственно поэтому наших царей бояре водили во время торжественных церемоний под руки.

² Ч е ш у й к а — мелкая серебряная монета.

Услышав про мой обет, бояре озадаченно задумались, и только Василий Бутурлин с сомнением смотрел на мой кубок. Мысленно чертыхнувшись, я обернулся к Вельяминову и велел отнести окольному свою чашу.

— Василий-су, царь жалует тебя своей чашей! — громко провозгласил Никита, подойдя к Бутурлину.

Тот встал и, поклонившись, принял из рук кравчего мой кубок. Потом, провозгласив здравицу в мою честь, в один мах вылил себе в рот его содержимое. Скривившаяся морда Бутурлина стала мне наградой, и я, улыбнувшись, участливо спросил:

— А ты, Василий, верно, думал, что я мед пью?

— Государь, — раздался голос с другого конца стола, — не изволь гневаться на своего холопа — а скоро ли жена твоя и сын придут?

Я медленно обернулся в сторону говорившего и увидел побობострастно улыбающегося Бориса Салтыкова. Первым моим побуждением было спросить его: «А какое твое дело, собачий сын?», — и кинуть чем-нибудь тяжелым, но вместо этого я лучезарно улыбнулся и спросил помягче:

— А тебе какая беда, честной дворянин?

Салтыков смешался: он действительно только московский дворянин и его, строго говоря, за моим столом быть не должно. Правда, в последнее время думцы усиленно домогались, чтобы Бориса пожаловали чином окольного, какой имел его умерший лет пять назад отец. И я склонялся в этом вопросе уступить. Салтыков — двоюродный брат Миши Романова и принадлежит к старинной московской аристократии, враждовать с которой опасно. Тройродный брат его отца, Михаил Глебович, сейчас находился в Польше при дворе короля Сигизмунда. Короче, семейка была подлая и влиятельная.

— Да как же, великий государь, — терем великокняжеский вельми ветх. Стыдно будет, что царица наша и царевич в такой развалюхе жить станут. Вели своим холопам за работу приниматься да поправить его, а не то всем нам бесчестие случится.

Бояре встретили заявление Салтыкова с явным одобрением. В общем, их можно понять, дворец действительно обветшал и изрядно разорен. Говоря о забитых окнах, ветхой крыше и гуляющем сквозняке, я вовсе не преувеличивал. А все члены боярской думы тоже живут в этом дворце, и отсутствие всякого намека на комфорт им вряд ли нравится.

— Чинить этот дворец — только деньги на ветер кидать, — отвечаю думе с тяжелым вздохом, — вот, даст бог, отвоюем Смоленск, тогда можно будет о новом дворце подумать, каменном. Таким, чтобы и жить, и послов принять не стыдно было.

— А какой веры у тебя жена, государь?

Вопрос на самом деле тяжелый. Все прекрасно знают, что принцесса Катарина — лютеранка, и никому это в православной стране не нравится. Я, конечно, еще во время собора перешел в православие, публично исповедовавшись митрополиту Ионе с прочим клиром, на глазах всех присутствующих отрехшись от католических и лютеранских заблуждений. Но вот поступит ли так же Катарина — я, по совести говоря, не уверен. И что делать, если она заартачится, не представляю.

— Что о Заруцком слышно? — задаю вопрос боярам, игнорируя Салтыкова.

— Совсем распоясался, проклятый, — сокрушенно вздыхает Пожарский, — доносят, что в Коломне укрепился и многие городки вокруг разорил.

— Так надобно унять вора, пока он чего горшего не натворил. Дворянам моим, как я посмотрю, заняться нечем, вот пусть и идут в поход. Коли побьют вора, так я и награжу, и пожалую, а нет, так и нет.

Салтыков понимает намек с полуслова и тут же делает вид, что его тут нет. Бояре сокрушенно качают головами: послать войско для того чтобы побить вора, а главное, захватить Марину Мнишек и Воренка — конечно, надо, но нет ни людей, ни денег, ни оружия.

— Ладно, бояре, утомился я; пойду передохну чуток.

После царского смотра Федькина жизнь резко переменилась. Сотник Корнилий сразу велел ему не мешкая ехать с собой, взяв холопа и оружие с припасами. На первое время поселили его с Лукьяном в большом деревянном остроге вместе с остальными ратниками сотни Михальского. Впрочем, всего в этой сотне кроме Федора было едва ли три десятка человек. Половина из них — казаки, несколько татар, а прочие и вовсе невесть кто. Единственным боярским сыном среди этого сброда оказался сам Панин.

В первый же день сотник проверил, на что способен Федька. Собрав всех своих людей перед острогом, Корнилий предста-

вил им нового товарища и велел ему показать, как тот стреляет из лука. Федор, не прекословя, взялся за лук и одну за другой поразил все мишени.

— А теперь — с коня, — потребовал Михальский.

С коня Панин отстрелялся не хуже, отчего наблюдавшие за упражнением татары довольно зацокали языками: «Чек якши», — очень хорошо, стало быть. Корнилий же ничего не сказал и велел принести лозу для рубки с коня. Это вышло у боярского сына куда хуже, но в общем он справился. После чего проверили, как он бьется саблей пеший. А вот тут парень оплошал: как оказалось, любой из сотни владеет специально затупленной для поединков саблей лучше него. Посмотрев на нахватавшего синяков и шишек, тяжело дышавшего боярского сына, Корнилий велел дать учебную саблю ему самому и вызвал против себя сразу троих. Федька заворуженно смотрел, как лихо сотник отбивается от нападавших на него казаков. Клинок, казалось, был продолжением его руки; ни секунды не оставаясь на одном месте, сотник кружился между противниками как волчок, заставляя их сталкиваться и мешать друг другу. Наконец вдоволь наигравшись, Михальский перешел в атаку, выбил саблю у одного, сбил с ног с другого и обратил в бегство последнего.

— Вот как надо! — наставительно сказал он Федьке. — Ну да не беда, научим.

Учеба началась на следующий день, и небо сразу показалось отроку с овчинку. Поднявшись рано утром и коротко помолившись, ратники брались за сабельное учение. Сначала Корнилий показывал сабельный прием, и все должны были его повторить, причем сотник придирчиво смотрел за чистотой его исполнения. После этого, разбившись на пары, до седьмого пота звенели саблями в учебных поединках.

После учений воинам давали передохнуть и позавтракать, а потом седлали коней, и начиналось учение конное. До сего дня Федор думал, что умеет управляться с лошадьми, но быстро осознал глубину своих заблуждений. Просто верховой езды было недостаточно, надо было брать препятствия, поднимать на всем скаку с земли нарочно брошенные предметы, уметь соскакать с коня на ходу и обратно прыгать в седло. Но кроме индивидуальной подготовки была еще и групповая. Учились атаковать врага строем, а потом по команде разворачиваться и,

не теряя своего места, отступать. Иногда это делали вместе с рейтарами Вельяминова, но чаще Корнилий выводил их одних и учил их ходить крадучись лесными тропами, читать чужие следы и прятать собственные. Хотя, похоже, прочие Федынки сослуживцы и без того все это умели.

К вечеру парень валился с ног от усталости, но на этом его мучения не кончались. Михальский, верно, услышал, что сказал Федору царь на смотре, и велел ему заниматься грамотой. Хочешь не хочешь, а пришлось боярскому сыну братья за учение. Занимался с ним старенький попик с дребезжащим голосом и неожиданно твердой рукой, которой он выводил безупречные буквы и нещадно бил своего великовозрастного ученика при малейшем подозрении на нерадивость. Нет ничего удивительного, что при таком учении Федыка враз вспомнил все буквы и научился хотя и по складам, но довольно бойко читать. Писать получалось хуже, но святой отец решил, что ходить ему на старости лет стало трудно, и надобно завести палку. Услышав таковые рассуждения, Федор сразу же, елико возможно, увеличил рвение к учебе. Отдыхать удавалось лишь когда ратников из сотни Корнилия назначали патрулировать город вместе с рейтарами. Конные разъезды объезжали дозором основные улицы Москвы для поддержания порядка. Панина часто отправляли в них: возможно, для того чтобы он лучше изучил столицу.

Были, впрочем, и маленькие радости. Если Федыка был усерден всю неделю, в воскресенье его отпускали в увольнение, и боярский сын бродил по оживленному городу, глаза на прибывающий на торги, богомолье или еще по каким делам народ. Кроме того, боярскому сыну и его холопу выдали по изрядному отрезу ткани с наказом построить форменные кафтаны вроде тех, какие носили царские рейтары. Заказать их оказалось делом совсем не простым. Кафтаны, в которых щеголяли ратники Вельяминова, были диковиной для московских портных. Более короткие, чем привычные стрелецкие, с отложными воротниками и накладными карманами. Борта должны быть украшены шитьем и иметь гербовые пуговицы. Портные, узнав, что требуется молодому боярскому сыну, заламывали совершенно несусветную цену в не менее как полтину серебром за каждый. Денег таких Федыка, которого до сих пор обшивали тетка и названные сестры, отродясь не видывал, и потому, вздыхая, пре-

кращал сговор. Выручил молодого человека его командир. Узнав о затруднениях своего подчиненного, он отвел его в лавку стрелецкого сотника Анисима Пушкарева, оказавшегося приятелем Михальского. Торговали в ней всяким товаром, в котором может случиться нужда у служивого человека, то есть всем подряд.

Анисим оказался дома и встретил гостей радушно, усадил на почетные места, угостил чем бог послал и приготовился слушать. Корнилий, поговорив для приличия прежде о всяких пустяках, перешел к делу и показал на Федора, дескать, надо бы приодеть молодца.

— А чего в мекленбургский кафтан, — спросил стрелецкий сотник, — он вроде в твоей сотне, а не в вельяминовских?

— А нет теперь вельяминовских сотен, государь повелел целый полк рейтар набрать для охраны своей персоны. Моя же сотня будет при том полку для разведки и прочего. Так что со временем всех переоденем, а начали с сего вьюноши, того ради что ему, бугаю деревенскому, и надеть-то нечего, стыдно в караулы назначать.

Федька, услышав, что сказал Михальский по поводу его приличного, как ему думалось, наряда, запунцовел, но помалкивал.

— Понятно, а ко мне-то чего пришли — мало ли портных на Москве... или дорого просят?

— По полтине за кафтан, а у меня еще и холоп боевой, — отвечал, насупившись, Федор.

— Эва как! — воскликнул в ответ стрелецкий сотник. — Со всем осатанели, ироды. Хотя, конечно, работа немалая и требует тонкости...

— Анисим, не набивай цену, — прервал излияния приятеля Михальский, — всем ведомо, что твоих стрельцов в таковые кафтаны еще в Мекленбурге переодели, а как приписали к стремянному полку, так дали новые — красные, и шапки таковые же. А прежние кафтаны ты, сказывают, прибрать велел.

— И что с того, нешто боярскому сыну прилично будет со стрельца кафтан носить?

— Боярскому сыну, может, и неприлично, а боевому холопу — в самый раз, да и хозяину его уже на полтину легче!

Тут в горницу с выпученными глазами влетел один из сидельцев и, подбежав к хозяину, зашептал что-то на ухо. Сотник,

выслушав его, поднялся, но сказать ничего не успел, потому что в широко распахнувшуюся дверь стремительно вошел царский кравчий.

— Тебя, Анисим, государь еще в бояре не пожаловал, чтобы я доклада дожидался!.. — громко произнес он. — О, да у тебя гости?

Присутствующие встали и степенно поклонились важному посетителю.

— Да вот, Никита Иванович, пришли по нужным делам, — ответил ему Корнилий.

— Здравствуй, Корнилий, это хорошо, что я тебя встретил. Поговорить надобно о некоем деле. А это кто, Панин?

Федька еще раз поклонился в ответ, радуясь, что Вельяминов его признал.

— А ты ведь, боярский сын, тетушке моей сосед, не так ли?

— Так, господине.

— Это хорошо, земляк — что родственник; что к Анисиму-то пришел — али нужда какая приключилась?

— Да вот...

— Не забивай голову, Никита Иванович, невелико горе вьюноши, поможем ему — как не помочь, — перебил Федьку шустрый Анисим, — ступай-ка, парень, со слугой моим, он проводит тебя до мастера. Тот и мерку снимет, и одежду тебе построит. А мы тут пока потолкуем о делах с господином царским кравчим.

Слуга отвел Панина к живущему неподалеку стрельцу, промышляющему портняжничеством, и тот вскоре пошил ему форменный кафтан, да такой ладный, что глаз не отвести. Девки, во всяком случае, из-за заборов едва дыру в Федьке глазами не протерли. Холоп его тоже принарядился в почти такой же, но перешитый из стрелецкого. А главное, стоило это все весьма недорого — обошлось боярскому сыну едва в две гривны. Зато службу он теперь справлял одетый и снаряженный на зависть многим. Сабли и саадаки, а также прочее оружие ему с холопом разрешили оставить свое, но плюс к тому Федору дали еще пистолет с пороховницей и прочими потребными припасами. Михальский сам обучил его управляться с новым оружием, а на вопрос, отчего пистолет дали только ему, пожав плечами, ответил: «Ты же шляхтич». С пистолем сим Федька также немало

помучился, покуда овладел мудреным искусством обращения с огненным боем, но оно того стоило.

Однажды утром вместо учения Корнилий велел им сразу седлать лошадей и, надев доспех, быть готовыми к выступлению. Как оказалось, царь собрался ехать на очередное богомолье, и им надо было идти впереди царского поезда, дабы убедить государя от возможных злоумышленников.

Когда я объявил собору о нездоровье королевича Карла Филипа, наступила гробовая тишина. Я уже собрался выйти вон, но дорогу мне преградил митрополит Иона. За моей спиной Вельяминов, обращаясь к собравшимся, говорил о том, что раз королевич занемог, то и думать нечего, а надо выбирать князя Мекленбургского. Но митрополит поднимает руку, и Никита замолкает.

— Вижу в сем перст божий! — разносится под сводами его сильный голос. — В последний момент узнали мы о недуге королевича и о том, что не может он быть нашим государем. Но Господь не оставил нас и послал нам знак, что будет все по воле его. Кто мы такие, чтобы обсуждать промысел божий? Потому спрашиваю тебя, великий князь Мекленбургский: будешь ли нашим царем?

— Владыко, что вы говорите? — оторопело отвечаю я на его велеречие и отчего-то перехожу на церковнославянский: — Недостоин аз.

— Просите его, бояре!

Бояре, как и митрополит получившие этой ночью массу острых ощущений, в один голос начинают просить меня:

— Не погуби, стань царем нашим!

— Не могу, бояре, ослобоните!

Митрополит снова поднимает руку, и все смолкают.

— Яко предки наши призвали твоего пращура со словами: «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет», — так и мы говорим тебе: бери царство под свою руку! Сбереги его и народ наш!

Собравшиеся подхватывают этот крик, а я растерянно кручу головой, но возникший за моей спиной Вельяминов тихо шепчет мне: «...по обычаю более трех раз не отказываются»...

В этот момент я снова просыпаюсь от того, что возок остановился. Открывается дверца, и меня встречает игумен очередного монастыря со всем клиром. Звонят колокола, пахнет ладаном, и,

пока все кланяются, я могу немного размять затекшую в дороге спину. Надо сказать, лица у игумена и келаря не слишком радостные. Как видно, им сообщили о моей манере молиться святыням. В каждом монастыре я честно высиживаю службы с самым постным лицом, на какое только способен. Причем именно высиживаю, на специальном царском месте. Кроме меня сидеть при богослужении может только патриарх, но он сейчас в плену. После службы я делаю монастырю вклад в виде какой-нибудь драгоценной святыни, в которых, по счастью, в царской казне нет недостатка. Потом следует немедленная расплата — и монастырь, и его братия нагружаются государственной службой. Проблем в царстве немерено, а потому без дела не останется никто. Вот и сейчас отец келарь, вздыхая, прикидывает, сколько монахов и трудников надо будет отправить на восстановление московских стен, снабдив их крепкими лопатами, топорами и прочим инструментом, не говоря уж о пропитании. Кроме того, при монастыре непременно должна появиться школа, в которой отроки будут постигать грамоту и Закон Божий. И наконец, я объявляю, что хорошо бы в монастыре завести типографию, с тем дабы печатать Священное Писание, потому как книг в стране — кот наплакал. Игумен в совершенном расстройстве начинает жаловаться на скудость и незнание этого дела и получает полное мое сочувствие и обещание всяческой поддержки. Ну а пока нет возможности открыть типографию, мое царское величество совершенно не возражает, чтобы потребные книги братия писала вручную. Надо хотя бы три сотни в год, успеете? Хотя... а нет ли в монастыре умельцев литейного дела? Умелец, по счастью, есть, как и литейная мастерская. (А то я не знал!) Ладно, так и быть, с типографией и книгами подождем, а вот не отольет ли ваш литейщик несколько пушек по образцу? Естественно, не за так. Я за вас денно и ночью молиться буду! Ну а кому легко? Да немного, не более десятка. Землицы прирежем, но не ране, чем испытаем пушки.

С пушками дела обстоят неважно. Да, еще жив и имеет немало учеников старый мастер Андрей Чохов. Есть довольно внушительный арсенал, или, как его называют, — наряд различных орудий. В нем огромные затинные пищали, тюфяки, мортиры и внушительные бомбарды, а также масса других орудий, названия которых я и не знаю. Осматривавший их по моему приказу Рутгер Ван Дейк от некоторых из них пришел в со-

вершеннейший восторг, на другие посмотрел с усмешкой, но в общем и целом пришел к выводу, что имеется в наличии недурной осадный парк, который было бы не стыдно иметь любому европейскому государству. Но вот полевая артиллерия отсутствует как класс, и, самое главное, моим пушечных дел мастерам достаточно сложно объяснить, зачем нужны такие ничтожные, по их мнению, пушки. Можно, конечно, просто приказать, но результат может получиться соответствующий. Пока же царские пушкарни готовят модели для отливки и втихомолку бранят бестолковых иноземцев, придумывающих разные несуразности вроде конической каморы: «Отцы-деды наши такого не делали и жили себе, так что и нам не к лицу». Именно поэтому я и ищу мастеров на стороне, которые отольют по образцу то, что им велено, не рассуждая при этом. Из того, что я заказываю часть пушек на стороне, вовсе не следует, что литейный двор в Москве останется без работы. Во-первых, осадных орудий хоть и немало, но совсем не переизбыток. Нужны и большие пушки для пролома стен, и мортиры с бомбардами — работать по супостату навесным огнем, и бомбы, картечь, ядра к имеющимся орудиям. Это, кстати, тоже дело не быстрое. Во-вторых, основную часть новых полевых орудий, а также модели, по которым будут лить сторонние мастера, тоже придется изготовить им.

Пушки должны получиться одинаковые — четырехфунтового калибра, на легких лафетах, числом не менее трех десятков. И что самое главное, надо получить их как можно скорее, чтобы иметь время на обучение расчетов новой тактике. Если все успеем, то можно не бояться в чистом поле даже хваленую польскую гусарию. Эх, мечты, мечты!..

— Государь, а может, возьмешь пушки из монастыря? — отрывает меня от мечтаний голос отца келаря. — У нас их немало...

Ну что же, идем смотреть пушки, я вас за язык не тянул. Арсенал, который предъявили мне святые отцы, поразил меня до глубины души. Главным образом размерами, ассортиментом и ... бестолковостью. Пушки, гафницы, мортиры, тюфяки и черт его знает что еще (прости господи, что в святом месте!) всех размеров и форм. Медные, бронзовые, железные, возможно, даже чугунные, хотя из него, кажется, еще не умеют отливать. Орудия, пригодные для перевозки по полю битвы, встречаются, но смешного калибра. Ну что это — полгривенки! Или

гривенка¹ с четвертью! К тому же часто в таком состоянии, что стрелять из них более опасно для собственных пушкарей, а лафеты больше похожи на деревянные колоды с салазками. Кажется, такие называют «собаками».

— Ну вот, преподобные отцы, а сказывали — металла у вас нет. Из сего вот хлама и отольете. Деревянную модель вам для образца уже везут, жду от вас по весне семь пушек... Ну ладно — пять!.. Нет, три — никак не возможно, разве что если к каждой пушке по пять десятков ядер и столько же картечей... Ну вот и договорились.

Провожают меня едва ли не радостнее, чем встречали. Ничего, привыкнете. Едва монастырь скрывается из виду, стучу вознице, чтобы остановил.

— Вельяминов, коня!

— Сей же час, государь; далее куда поедем?

— В Москву, куда же еще?

— Так Вельяминовка рядом, государь, нешто не погостишь?

— Чего я там не видал?

— Как повелишь, государь, а то бы поохотились...

— Поохотиться, говоришь?.. А что, косолапых в ваших лесах еще не всех переловили?

— Скажешь тоже, царь-батюшка — разве же их всех переловишь, медведей-то...

— Ладно, поехали — уговорил, языкатый: проживут без меня дума с собором пару дней.

Вельяминов начал раздавать распоряжения, но тут появился Михальский со своими головорезами, в одном из которых я узнал давешнего боярского сына, которого видел на смотре.

— Государь, — начал сотник, — в местах сих, сказывают, разбойники озоруют. Не случилось бы беды.

— Откуда знаешь?

— Да вот Федька Панин толкует, что неподалеку отсюда на них шиши лесные напали, едва отбились.

— А, это ты, грамотей! — Внимательно вглядываюсь в лицо парня. — Это что же у меня за дворяне такие, что на них лесные тати нападают? Однако раз ты передо мной стоишь, значит, отбились. Или как?

¹ Русская мера веса, около 200 граммов. 1 фунт = 1 гривна = 2 гривенки.

— Нас всего семеро было, государь, — обстоятельно отвечает он, — а их не менее двух десятков. Оно, может, и худо бы пришлось, да нас отец Мелентий с ратными людьми выручил. Тати услыхали, что они скачут, да и разбежались.

— Отец Мелентий, говоришь, да еще с ратниками? Ну-ка опиши, вьюноша, как сей святой отец выглядит?

— Ну как выглядит... Ростом высокий, телом крепкий, борода черная да густая — лопатой. На коне сидит так, будто всю жизнь рати за собой водил.

— И давно ты этого святого человека видел?

— Да как на смотр ехали.

— А потом?

— Более не видал, государь!

— Ладно, только если увидишь еще, дай знать сотнику своему.

— Все исполню, государь!

Внимательно слушавший наш разговор Вельяминов подзывает Корнилия и шушукается с ним, потом командует:

— Корнилий, ты со своими впереди, а мы с государем следом. Смотреть крепко, дабы не вышло прорухи. А Федьку с парой-тройкой конных пошли вперед в Вельяминовку, пусть готовятся. Если все ладно сделает, пусть и своих проведает. — Потом оборачивается ко мне. — Все ли верно говорю, царь-батюшка?

— Верно, верно... ты, Никита, когда говоришь эдак, до того на Анисима похож, что удавить тебя хочется. Поехали уж, а то все разбойники с медведями от тоски передохнут, нас не дождавшись.

В который раз видит Федька знакомый терем, только теперь скрываться ему не надо, и он громко стучит рукоятью плети по крепким тесовым воротам.

— Кого там нелегкая принесла? — раздается простуженный голос сторожа.

— Открывай быстрее, известия от боярина Никиты Ивановича привез!

Слуга, как видно, разглядел на приезжих знакомые кафтаны и, ничего более не спрашивая, кинулся отворять ворота. Федька, спешившись, пошел к высокому крыльцу с замирающим от сладкой тоски сердцем. Поднявшись, стуча каблуками, он у

двери почти столкнулся с боярышней и застыл как громом пораженный.

— Федя... — недоверчиво протянула она, узнав незадачливого ухажера, — откуда ты взялся?

— Из Москвы, Алена Ивановна, известия у меня от брата вашего.

— Вот как, нешто мой брат обычай письма писать завел? Ну коли так, то давай свою грамоту.

— Нет у меня грамоты, боярышня, просто он на словах велел передать, что скоро будет у вас с дорогим гостем, и велел все приготовить, чтобы с честью встретить.

— Вот как, а я-то думала... Что же за гость к нам такой пожалует, что брат мой столь сановного гонца, как ты, боярский сын, послал?

— Царь.

— Как «царь»?..

— Ну так, государь наш.

— Феденька, — с сомнением в голосе проговорила она, — а ты здоров ли?

— Здоров.

— И что, тебя из самой Москвы прислали, чтобы мы готовились царя встречать?

— Да нет, боярышня, государь тут неподалеку, в Кирилловском монастыре был на богомолье. А теперь, видать, отдохнуть хочет, да и решил к вам заехать.

— А ты их надолго ли обогнал?

— Да, пожалуй что, на час-полтора...

— Федька! — всплеснула руками боярышня. — Да что же ты сразу не сказал, окаянный! Да когда же мы все успеем, мыслимое ли дело — царь едет!

— Да я же...

Но Алена уже не слышала Федькиных оправданий и как вихрь умчалась внутрь терема. Буквально через мгновение внутри его раздался шум, забегали люди, началась суматоха. Боярский сын постоял еще немного и, с обидой подумав: «Могла бы и попить вынести с дороги...» — собрался было уходить. Однако Алена уже, как видно, раздала все необходимые поручения и вспомнила об обязанностях гостеприимной хозяйки.

— Куда собрался, боярский сын? — спросила она его, снова выйдя. — Заходи, согреешься с дороги. Может, ты или твои ратники проголодались?

— Да я... — начал было Федька, но отказаться не смог, а Алена, велев кому-то из дворни позаботиться о его провожатых, повела парня в дом.

— Что за шум, Аленушка? — встретила их старая боярыня, едва они вошли. — Ой, а что это за человек с тобою?

— Гонец от брата приехал, тетушка, сказывает, что Никита скоро будет, да с дорогими гостями.

— Охти мне!.. Да как же это — я же и не успею ничего...

— Полно, тетушка, я уж обо всем распорядилась.

— Что бы я без тебя делала, умница ты моя?.. Прибрал господь моих деток, пропала бы я и вовсе без тебя, Аленушка!.. — запрчитала было старушка, но тут же развернулась к Федьке: — А ты из чьих будешь?

— Сосед ваш, — поклонился боярыне парень, — Федор, Семена Панина сын.

— Федор, Федор... — проговорила она, будто пробуя его имя на вкус. — Уж не тот ли ты Федька, что девок в лесу пугал, одевшись в шкуру звериную?

— Каких девок, госпожа? — пожал плечами боярский сын. — Если тех, что по малину ходили у Гнилой пади, то не я. Я человек смиренный и богобоязненный.

— Я уж вижу... — задумчиво протянула старушка, но более Федьку ни о чем не расспрашивала.

Не прошло и часа, как раздался шум у ворот, и хозяевам стало не до Федора. Во двор въехали верховые, и неизвестно когда успевшая принарядиться Алена вышла встречать дорогих гостей, держа в руках серебряную чару со сбитнем. Федька во все глаза смотрел на преобразившуюся девушку. На голове ее был высокий кокошник, расписанный серебром. Ярко-голубой летник и соболя душегрея придавали ей вид просто сказочный, и смотреть без восхищения на юную сестру царского кравчего было нельзя.

Государь, впрочем, глядел на красавицу почти печально. Отведав сбитня, он, пока дворовые девки обносили горячим напитком прочих гостей, осторожно, будто боясь повредить, расцеловал девушку в обе щеки и что-то негромко сказал: видно, поздоровался. Что ему ответила Алена — Федька тоже не

расслышал, но после они пошли в терем, и парень увидел, как она смотрит на царя. Какое-то странное чувство кольнуло боярского сына, и он, доселе видевший в молодом государе лишь что-то вроде чудотворной иконы, разве что говорящей и могущей казнить за оплошность, вдруг понял, что царь высок и строен, черты лица его правильные и приятные глазу, а голос, умеющий быть железным, бывает и бархатным. И что если бы они с ним вместе ехали мимо дворов в Замоскворечье, то и не угадаешь, на кого девки глазели бы больше.

Неизвестно, сколько бы еще стоял он в замешательстве, но тут перед ним появился Корнилий.

— Ну и чего ты застыл, — обратился он к Федьке, — тебе что Вельяминов сказал? Как все справишь, можешь к своим захватить — али не соскучился? Давай двигай да скажи дядьке своему, чтобы окрестным помещикам весть отослал, что государь-де гостит тут и завтра желает охоту устроить. Пусть приезжают все царя потешить. Внял ли?

— Понял, господине, все исполню, — поклонился ему парень и собрался идти прочь, но сотник снова остановил его:

— погоди, ты подарки-то родным догадался привезти али как?

— Да я и не думал, что попаду к ним, — остановился в замешательстве сообразивший, что неладно получилось, Федька.

— Да, я-то думал, что ты только на сабле слаб, а ты и вовсе дурень получаешься. Ладно, что с тобой делать... держи вот. — И с этими словами сотник вынул из-за пазухи сверток и подал Федору. — Сколько, говоришь, у дяди дочек?

— Четверо...

— Значит, хватит.

— А что там?

— Платков там цветных полдюжины, вот каждой и подаришь, да про тетку не забудь, бестолковый. Еще и невесте один останется.

— Да нет у меня невесты... — вздохнул Федька.

— Я же и говорю: дурень! Да не благодари, отслужишь еще.

После недолгой скачки боярский сын с холопом были возле дома, который он привык считать родным. Дядька с теткой встретили его радостно, а девчонки и вовсе, увидев, какой он стал красивый в новом кафтане, с визгом повисли у него на шее. После чего парень поклонился опекунам так кстати полу-

ченными от сотника подарками. Тетушка растрогалась и даже всплакнула. Прежде вредная и языкастая, а теперь еще больше похорошевшая Ефросинья застенялась и убежала к себе, а прочие сестры кинулись целовать Федьку еще раз. Дядюшке парень преподнес выменянную по случаю у одного татарина из их сотни разукрашенную серебром камчу¹, а маленькому Мишке, во все глаза уставившемуся на его пистолет, подарил свинцовую пулю. Дядька Ефим был явно доволен подарком, но тут Федор некстати вспомнил рассказы сослуживцев-казаков, что плеть у них по обычаю подносят отцу невесты на сватовстве. Покрасневший до корней волос Федька совсем смешался и, чтобы унять волнение, стал говорить о приезде царя и о поручении, данном ему сотником Корнилием. Дядька встревожился и тут же велел холопам седлать коней и ехать по соседям, оповещать о царской забаве.

Все в соборе как один кричали: «Да здравствует наш царь Иван Жигимонтович на многие лета!» Но тут в всеобщую симфонию диссонансом влез одинокий выкрик: «Горе нам, царь-то не православный!»

Только что безмерно радовавшиеся люди сконфуженно застыли в неловком молчании. Вельяминов напряженно всматривался в них, будто желая найти глазами кричавшего. И теребил при этом пояс, забыв, что, как и все, пришел в храм без оружия.

Но тут вперед выступил Авраамий Палицын и стал громко зачитывать чин покаяния. Лица присутствующих посветлели, и все стали внимательно прислушиваться к моим ответам на вопросы келаря, вопрошавшего меня о грехах. Я, в общем, ему и не врал. Трагическая смерть Насти так на меня подействовала, что я стал вести почти монашеский образ жизни. Не стало в ней ни женщин, ни пирушек с друзьями. Военные действия вокруг Москвы прекратились, так что смертоубийством я тоже не занимался. Отец Авраамий же, отпустив мне грехи, громко запел: «Господи Боже истины, призри на раба Твоего...» — и все присутствующие подхватили молитву, будто всю жизнь были певчими. После этого присоединившийся к таинству митрополит вопрошал меня о неправых учениях и требовал отречения от них. Отрекшись, я прочитал Символ веры, и митрополит начал

¹ Камча — татарская плеть.

вопросать о православной вере и требовал исповедовать ее и хранить. Потом было пение псалмов и чтение молитв, после чего последовала Великая ектения, и меня миропомазали.

Наконец надо было провозгласить мое имя, и Авраамий с Ионой почти одновременно спросили, как меня наречь по имени и отчеству. Вопрос был непростой: если имя вполне соответствовало ожиданиям моих новых подданных, то отчество, увы, нет. Времени на раздумья не было, и я спросил, кто был последним законным государем в Москве. Святые отцы, сами не раз приводившие народ к присяге самозванцам, замялись, но я спросил еще, кого нынче поминает православная церковь — и все присутствующие заулыбались, ибо в день сей поминали Федора Стратилата.

— Последним законным нашим царем был Федор Иоаннович! — крикнул на весь храм Вельяминов и тут же продолжил: — Многая лета государю Иоанну Феодоровичу!..

Проснувшись, я какое-то время лежал, прокручивая про себя снова и снова день моего избрания на царство и миропомазания. Захотев пить, протянул руку за ковшом, оставленным с вечера, но вместо того чтобы достать, неловко уронил его, переполошив лежавших на полу Никиту и Кароля, игравших сегодня роль моих спальников. Вообще, обычно спальники мои спят дальше, за ширмами, но вельяминовский терем невелик, и все в нем с должным порядком не помещаются.

— Что случилось, мой герцог... ой, простите, ваше величество, — сонно спрашивает по-немецки Лелик, никак не могущий привыкнуть, что я из герцога стал царем.

— Да ничего страшного, спите, — пытаюсь я успокоить своих ближников.

— Испей, государь, — подает мне ковш с квасом успевший проснуться и все сообразить кравчий.

Пока я пью, мои приближенные быстро приводят себя в порядок, показывая всем видом, что готовы служить своему господину. Увы, как я ни старался, но прежних отношений между мной и фон Гершовом нет. Известие об измене брата продолжает угнетать Кароля, и, хотя я всячески подчеркиваю свое к нему доверие и приязнь, мы все больше отдаляемся друг от друга. Он, как я и обещал, командует моей гвардией, в смысле — продолжает командовать моими драбантами-драгунами, просто повышен в чине до полковника. Драгун тоже стало больше

за счет влившихся в их состав русских дворян и боярских детей. Хочется развернуть этот regiment в драгунский полк и иметь к началу похода на Смоленск полноценное боевое соединение. Впрочем, в драгуны, узнав, что там учат еще и пешему бою, дворяне идут не так охотно, как в рейтары. Видимо, их тактика боя кажется им более приличной для людей благородного сословия.

— Ну что — раз все проснулись, так давайте умываться! — весело командуя своей банде, и мы гурьбой несемся на улицу, чтобы натереться снегом.

Пока мы с Вельяминовым получаем избыток свежести при полном отсутствии калорий, фон Гершов с нескрываемым ужасом взирает на наши процедуры. Бедолага Кароль никак не привыкнет к этим варварским забавам, и с содроганием смотрит, как Никита, зачерпнув своими лапами целый сугроб, начинает растираться снегом. Я не могу не воспользоваться тем, что он потерял бдительность, и, подкравшись сзади, сыплю померанцу изрядную горсть снега за шиворот. Бедолага Лелик начинает орать благим матом, а Никита просто киснет от хохота. Это определенно непорядок, и я, слепив снежок, запускаю его в своего кравчего. Такой подлости Вельяминов не ожидал, но быстро ориентируется и отвечает мне тем же.

— Кароль, какого черта ты стоишь, не видишь разве — в твоего сюзерена стреляют? Лепи снежки и кидай в Никиту! — кричу я вконец обалдевшему фон Гершову.

Из амбаров и подклетей начинают вылезать ночевавшие там холопы и рейтары, и недоуменно смотрят, как царь и его ближники играют в снежки. Наконец, немного уставшие и довольные, мы вбегаем в терем, где нас ждут с рушниками Алена и несколько служанок. Вытираясь и подшучивая друг над другом, мы готовимся к завтраку.

Ни чай, ни кофе нам пока недоступны, так что мы пьем горячий сбитень с вкуснейшим ржаным хлебом. Тем временем вокруг вельяминовской усадьбы начинают собираться местные помещики с холопами, приехавшие на охоту. Первым приезжает Телятевский, а за ним начинают подтягиваться и прочие. Никита, одевшись и снарядившись, выходит к ним, а я, оставшись наедине с Каролем, спрашиваю его:

— Что тебя тревожит, друг мой?

— О чем вы, ваше величество?

— Брось парень, я не худо тебя знаю. Тебя что-то беспокоит, но ты молчишь и мучаешься, я же вижу. Скажи мне, что у тебя на душе.

— Все хорошо, ваше величество, лучше и быть не может.

— Вот как?

— Конечно. Посудите сами, мой кайзер (теперь Лелик называл меня так): два с небольшим года назад я нанялся к принцу-изгнаннику, у которого не было ни кола ни двора. Теперь вы властелин огромной страны, а я полковник вашей гвардии. Чего я еще могу желать?

— Ну, в этом смысле ты, несомненно, прав: мы и впрямь многого добились; но все же ты невесел, и я спрашиваю тебя — почему?

— Как вам сказать, ваше величество... это может прозвучать странно, но я скучаю по тем временам, когда у нас с вами ничего не было. Помните, вы любили тогда графиню Спаре, а мы с братом сопровождали вас, когда вы отправлялись к ней на свидания. Мы были молоды, но веселы и беззаботны.

— Помню, как не помнить — вы тогда с Боликом тоже не оставались в накладе. У служанок графини были такие довольные лица, что этого трудно было не заметить. Да, веселое было времечко... Ты, верно, скучаешь по брату?

— Да, скучаю. По брату, по Манфреду, по той жизни, которую мы вели...

— Ну прекрати, дружище — я тоже по ним скучаю, но почему ты о нашей молодости говоришь в прошедшем времени? Нам нет еще и двадцати, мы молоды, сильны, и если раньше мы могли рассчитывать только на себя, то теперь у нас есть целая армия!

При этих словах Кароль встал, прошелся, явно нервничая, а затем снова опустился на лавку и решительно произнес:

— И это тоже беспокоит меня, ваше величество.

— Объяснись.

— Видите ли, мой кайзер, у вас действительно появилось много сторонников или людей, которых вы таковыми считаете. Но я очень боюсь, что ваше доверие к ним напрасно. Дьявол силен, и даже мой несчастный брат, обязанный вам всем, не смог устоять перед его посулами. А эти люди, которые вас теперь окружают... я не знаю, чего от них ждать. Они непонятны мне, и

я боюсь опять не успеть, как это случилось в том чертовом лесу под Псковом.

— У тебя есть какие-то подозрения к окружающим меня людям?

— О нет! Если я и уверен в ком-то, то это Вельяминов и Казимир, которого все теперь почему-то называют Корнилием. Они, да еще, возможно, этот хитрый стрелецкий сотник Анисим — вот люди, которые вам никогда не изменят. Но рядом с вами теперь не только они. Все эти князья, бояре и думные дьяки... Среди них есть, конечно, люди достойные и благородные, вроде Пожарского, но их меньшинство. А остальные, когда вы отворачиваетесь, ваше величество, смотрят так, будто примеряются, куда ловчее ударить клинком. И я боюсь, что не успею встать между ними и вашим величеством.

— Ты ждешь измены?

— Да! Вы для них слишком молоды, слишком удачливы, слишком умны. Впрочем, в последнем они еще не уверены, и только поэтому вы до сих пор живы. Многие из них надеются, что вы просто удачливый искатель приключений, ничего не понимающий в политике и хозяйстве. Но я-то знаю, что вы не таковы. Когда-нибудь они тоже обнаружат, что ошибались на ваш счет, — и тогда берегитесь! Я просто сердцем чую опасность и схожу с ума от того, что не могу ничего предпринять.

— Я понял тебя, дружище. Будь спокоен, я думаю про своих новых подданных точно так же. Но я не сделаю ничего, что бы их встревожило, пока не буду готов к схватке. Они видят во мне удачливого наемника? Не будем их разочаровывать! Сначала мы пойдем и отвоюем у поляков этот несчастный Смоленск, а когда вернемся, многое изменится! Ну а пока... может, тебе жениться? Ну а что: посмотри, какая красавица сестра у Никиты — хочешь, просватаю?

Если бы я еще раз сыпанул бедному померанцу снегу за шиворот, это не произвело бы на него большего действия. Лицо его побледнело, рот приоткрылся, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Благодарю ваше величество за заботу, но, боюсь, я не смогу сделать эту благородную девушку счастливой... — залепетал обескураженный моим заявлением Кароль.

— Ну смотри, как знаешь. Но все же подумай хорошенько. Правда, недолго: такие красавицы в девках не засиживаются.

Ладно, этим, я думаю, мы сможем заняться позже, а сейчас найди мне Корнилия. Что-то от него нет вестей, если бы все было ладно, он бы давно сообщил.

Фон Гершов с поклоном вышел вон, а я начал одеваться к выходу. Можно было кликнуть слуг, но хотелось побыть одному и поразмыслить над услышанным от Кароля. Однако остаться одному не удалось: тихонько скрипнула дверь и я, резко обернувшись, увидел Алену Вельяминову. Лицо девушки было неестественно бледным, и казалось, она вот-вот заплачет. «Черт бы меня взял, — с раскаянием подумал я, — она ведь понимает по-немецки!»

— Почто, государь?.. — только и спросила она меня, глядя широко распахнутыми небесно-васильковыми глазами.

— Что «почто»? — попытался я прикинуться, будто ничего не понимаю.

— Государь, не погуби, не отдавай замуж за нелюбимого!

— Да не кричи ты так, никто тебя замуж не отдает, пошутил я.

— Не надо так, государь, одна у меня судьба, и не хочу другой... — залилась девушка слезами.

— Да что ты, Аленушка, не плачь! — только и смог я сказать, чувствуя полную беспомощность перед женским плачем. — Ну пошутил я. Да и Кароль вон, погляди, сбежал от меня как от огня.

Увы, если девушка собралась поплакать, то прекратить это действие совсем не просто. Пришлось обнять ее и, глядя по волосам, говорить ей, что она умница и красавица и что больше я никогда так шутить не стану, «вот тебе крест». А фон Гершов и вовсе любит другую и обещался быть ей верным и что никогда ни на кого не глянет. Так что о сватовстве не может быть и речи, и это я так все, шутейно. И вот несу такой бред, пытаюсь остановить потоки слез и молясь про себя, чтобы Никиту черт с улицы не принес или еще кого, потому как объяснить ему эту картину никак не получится. Наконец слезы немного поутихли, я отправляю девушку с наказом умыться и привести себя в порядок. Та послушно уходит, но напоследок оборачивается и твердым голосом заявляет:

— А захочешь выдать меня за другого, так и знай — утоплюсь!

Вот тебе раз! Я стесняюсь спросить... а тот, который «не другой», это, вообще, кто?

Поутру Федька вместе с дядькой Ефимом и другими окрестными помещиками прискакал к вельяминовской усадьбе. Вскоре к ним вышел сам царский кравчий и объявил, что государь желает позабавиться медвежьей охотой. Помещики задумались, после чего вперед выехал Ефим Лемешев.

— Никита Иванович, — начал он, поклонившись, — мы государю услужить завсегда рады, но что, если не найдем берлоги? Сам, поди, ведаешь, что косолапый не под каждым кустом зимует. А ну как если не сыщем?

— Ну это ты хватил, Ефим, — «не сыщем»! Места тут на дичь богатые, должны быть и медведи. А если, паче чаяния, не сразу найдем, так и не беда. Мало ли иной дичи в лесу? Сам знаешь, государь в иной земле урожден и нашей охоты и не видывал. Если для начала лося на него выгоним или волка затравим, так ему и тем потрафим. А там, глядишь, и медведь сыщется, вот и потешим царя-батюшку.

На том и порешили; помещики со своими холопами разбились на несколько групп и поскакали в разные стороны, трубя время от времени в рожки. Федька вздумал было отправиться вместе с дядькой, но увидел, что ему призывно машет татарин Ахметка, тот самый, у кого он выменял камчу.

— Поедем, бачка, Корнилий шибко ждет, — заявил тот ему, и парень, скрепя сердце, попрощавшись с соседями и дядькой, тронул коня.

— Другой раз поохотишься, — заявил ему сотник, когда они с Ахметом поравнялись с ним, — а у нас нынче иная забота.

Иная забота заключалось в охране его царского величества. Оно, конечно, государь не один — с ним и кравчий Вельяминов с рейтарами, и немец фон Гершов с драгунами, а только береженого Бог бережет. Так что Михальский повел своих людей в поиск, а Федьку кликнул ради того, что он местный, да еще охотник, так что места знать должен.

— А кого ищем-то? — спросил Федька у сотника.

— Как найдем, скажу, — усмехнулся тот, — сам ведь говорил, что в ваших лесах тати озоровут.

— Говорил, а только как их найдешь, татей-то?

— А как медведя найти собирался?

— Так по приметам — косолапые-то не во всяком месте зимуют.

— Во-во, и разбойники точно так же. Сам как думаешь, где их зимовье?

— Известно где, там, где добрые люди не ходят. На болоте или еще в каком месте.

— А есть у вас болота?

— А как же, за Гнилой падью; только там трясины, туда никто не ходит.

— И зимой трясины?

Федька озадаченно pokrutil головой и повел отряд к Гнилой пади. Скоро им попался след, ведущий прямо в то место, где, по Федькиным словам, была самая трясына. Корнилий приказал спешиться и надеть на ноги снегоступы. После чего ратники, оставив лошадей коноводам, пошли по следам. Шли довольно долго, стараясь держаться друг за другом и без нужды не разговаривая. Наконец, вышли на поляну, окруженную со всех сторон уродливыми и кривыми, какие бывают только на болотах, деревьями. На поляне стояло изрядное зимовье, с курившимся над крышей дымом, окруженное невысоким частоколом. Некоторые колья были украшены черепами животных, а над воротами висели и человеческие. Увидев этот ужас, Федька начал креститься, но остальные его товарищи во главе с сотником и ухом не повели.

Быстро окружив зловещее жилище, татары и казаки приготавились к штурму. После чего сотник, критически оглядев передетого ради охоты в свое Федьку, велел ему подать голос, вроде как тот заблудился.

— Эй, есть тут кто-нибудь? — попробовал крикнуть немного струхнувший парень, но предательский голос сбился и получилось почти плачуще.

Корнилий, услышав Федькин голос, довольно закивал головой и знаком велел продолжать.

— Помогите, люди добрые, — продолжал звать боярский сын, заходя за страшную ограду, — не оставьте христианскую душу на погибель.

— Кого это черт принес? — раздался скрипучий голос, и из дверей зимовья показался неопределенного возраста мужик, заросший седой бородой, с самострелом в руках.

— Пожалейте, Христа ради, добрые люди, заплутал я в лесу, не дайте пропасть, — продолжал причитать Федор жалостным голосом.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЕЦ СМУТЫ. Фантастический роман	5
<i>Послесловие автора</i>	421